

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.47>

Пучинина Ольга Павловна

ЯЗЫКОВЫЕ АНОМАЛИИ В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ М. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье рассматривается проза Марины Цветаевой с точки зрения соотношения понятий "норма" и "аномалия". В рамках данной работы автор ограничивается анализом языковых аномалий на материале выделяемых комплексов с несобственно-прямой речью. Получены выводы о том, что для писателя является характерным проводить эксперименты со словом, синтаксисом и пунктуацией. При этом подобная языковая неправильность отражает сложность и самобытность авторского восприятия мира, конфликты с современниками и со временем, личный и социальный драматизм.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 226-230. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. Калуга: Тип. ГУП Облиздат, 2003. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. 961 с.
2. Бродский И. А. Избранные стихотворения. М.: Панорама, 1994. 492 с.
3. Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка / предисл. Н. А. Фатеевой. Изд-е 2-е. М.: КомКнига, 2006. 152 с.
4. Головачева О. А. Окказионализмы в идиолекте Н. С. Лескова: модели и способы создания, функции слов признаковой лексики: дисс. ... к. филол. н. Брянск, 2001. 232 с.
5. Кошелева С. Ф. Новообразования в идиолекте Андрея Белого (на материале романов «Петербург» и «Москва»): дисс. ... к. филол. н. Орел, 2003. 181 с.
6. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.
7. Лузина Л. Г. Структурно-семантические особенности стихотворного текста // Структура и функционирование поэтического текста. Очерки лингвистической поэтики. М.: Наука, 1985. С. 160-175.
8. Намитокова Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование: на материале современной русской поэзии: дисс. ... д. филол. н. Майкоп, 1988. 406 с.
9. Полозкова В. Непознание. М.: Гаятри / Livebook, 2009. 240 с.
10. Полозкова В. Фотосинтез. М.: Гаятри / Livebook, 2014. 112 с.
11. Полухина Я. П. Словотворчество Василия Каменского: дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2002. 208 с.
12. Ревзина О. Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 303-308.
13. Северянин И. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2014. 1241 с.
14. Тураева З. Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.
15. Чумаков-Жунов И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. 244 с.
16. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. 187 с.

**DESCRIPTIVE-EXPRESSIVE POTENTIAL
OF INDIVIDUAL AUTHOR'S WORDS IN A POETIC TEXT**

Plotnikova Larisa Ivanovna, Doctor in Philology, Professor
Belgorod National Research University
Plotnikova@bsu.edu.ru

The article analyses the descriptive-expressive possibilities of individual author's words in the poetic texts of the authors of different time periods and literary movements: I. Severyanin, J. Brodsky and V. Polozkova. New lexical units noted in these authors' poetic texts indicate a variety of creative attitudes to form author's words. Lexical innovations, distinguished by an unusual structure, semantic diversity, are a vivid means of expressing a poet's figurative representation of the world around him, and contribute to unusual poetic images creation. Each of the examples of word creation is an important element of a poetic text; it carries a significant ideological and semantic meaning, allows the author to achieve impressive figurativeness.

Key words and phrases: individual author's words; word creation; poetic text; descriptive-expressive potential; poetic worldview; linguo-creative process.

УДК 81'42; 801.7

Дата поступления рукописи: 14.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.47>

В статье рассматривается проза Марины Цветаевой с точки зрения соотношения понятий «норма» и «аномалия». В рамках данной работы автор ограничивается анализом языковых аномалий на материале выделяемых комплексов с несобственно-прямой речью. Получены выводы о том, что для писателя является характерным проводить эксперименты со словом, синтаксисом и пунктуацией. При этом подобная языковая неправильность отражает сложность и самобытность авторского восприятия мира, конфликты с современниками и со временем, личный и социальный драматизм.

Ключевые слова и фразы: языковые аномалии; окказионализмы; Марина Цветаева; норма; отклонение от нормы; несобственно-прямая речь.

Пучинина Ольга Павловна

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
olga.puchinina@gmail.com

**ЯЗЫКОВЫЕ АНОМАЛИИ В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ:
НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ М. ЦВЕТАЕВОЙ**

Любой читатель или исследователь творчества Марины Ивановны Цветаевой невольно обращает внимание на удивительный стиль поэта, её непередаваемую лирику и бесконечные эксперименты и игры со словом, синтаксисом и пунктуацией. В связи с этим мы поставили **задачу** проанализировать прозу М. Цветаевой с точки зрения соотношения понятий «норма» и «аномалия» и установить особенности функционирования

окказионализмов в текстах писателя, опираясь на различные подходы к классификации языковых аномалий. Следует отметить, что сохраняющая в последние десятилетия свою **актуальность** тема языковых аномалий рассматривается на примере комплексов с несобственно-прямой речью впервые, что определяет **новизну** выбранной темы. Несобственно-прямая речь – особый приём для передачи произнесённой и произнесённой (мысленной) речи персонажа посредством включения его слов или мыслей в авторское повествование, исключая использование прямой или косвенной речи. Именно таким образом авторам удаётся передать тонкий мыслительный и речевой процесс в его первоначальном виде.

В качестве материала для исследования нами использовались около 300 примеров несобственно-прямой речи, извлечённых методом сплошной выборки из следующих прозаических произведений Цветаевой: «Мать и музыка», «Отец и его музей», «Живое о живом», «Дом у Старого Пимена», «То, что было», «Китаец», «Чёрт», «Хлыстовки», «Мой Пушкин», а также ряда писем [17; 18].

В современной лингвистике среди известных исследователей явления «языковой аномалии» (от греческого *anomalía* – «ненормальность») можно назвать Ю. Д. Апресяна [1-4], Н. Д. Арутюнову [5; 6], Т. В. Булыгину, А. Д. Шмелева [8], Т. Б. Радбиль [15] и др. Этим исследователей объединяет мнение о том, что языковую аномалию следует понимать как языковую неправильность. Т. Б. Радбиль в монографии «Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие» отмечает, что понятие аномалии неоднозначно, применимо к разным аспектам и допускает различные варианты трактовки: онтологическую (т.е. девиацию от общеизвестных законов мира), когнитивную и гносеологическую (т.е. нарушение логических связей при познании объекта), являющуюся релевантной, ибо аномальность – это не свойство самих явлений или вещей, а результат их осмысления субъектом, который их познаёт [Там же, с. 7-8].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре отмечается, что предпосылкой, определяющей природу языковой аномалии, выступает норма или «совокупность наиболее устойчивых и традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации» [12, с. 337].

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев согласны с этой точкой зрения и пишут, что аномальными становятся те явления, которые отступают от определённых шаблонов или логики, следовательно, явление оказывается аномальным не само по себе, а на фоне определённых законов [8, с. 437].

Чтобы признать «неправильностью» какие-либо языковые единицы, необходимы определённые критерии, для этого авторы идут вглубь проблемы; например, анализируя совокупность нормативных/ненормативных языковых явлений, Ю. Д. Апресян вырабатывает своего рода шкалу, устанавливающую степень языковой неправильности: правильно – допустимо – сомнительно – очень сомнительно – неправильно – грубо неправильно [4, с. 54].

Стоит заметить, что аномалии можно наблюдать на любом уровне языка: на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса, семантики, прагматики и т.д. Однако И. М. Кобозева и И. Н. Лауфер признают под языковой аномалией только грамматические и лексические отступления от нормы [11].

Т. Б. Радбиль подходит к пониманию понятия «неправильный язык» шире: в качестве языковых аномалий он рассматривает явления в художественном тексте, однозначно признаваемые как языковые отклонения от нормы в фонетике, лексике, грамматике или стилистике и противоречащие речевым правилам носителей языка [15, с. 43]. В своём исследовании мы отталкиваемся именно от этого подхода к языковым аномалиям.

В последнее время в современной лингвистике появилось и такое понятие, как языковая сложность, которое пересекается с языковой аномалией по некоторым функциям и признакам.

Признавая, что оба явления успешно выполняют коммуникативную и логическую языковые функции, Т. А. Гридина разграничивает эти два понятия следующим образом: если результат языкового приёма не соответствует авторской интенции, то этот приём следует рассматривать как ошибочный, ибо это ведёт к нарушению коммуникативной функции; но сознательная авторская «ошибка» сигнализирует о языковой аномалии. Кроме того, языковая сложность предполагает некую избыточность, что не препятствует пониманию данного сообщения, несмотря на наличие каких-либо искажений (например, знания отправителя и получателя сообщения об описываемом предмете могут отличаться). И наконец, явления языковой сложности и языковой аномалии принадлежат разным уровням языковой системы. Языковая сложность наблюдается в устной речи, когда участники напрямую обмениваются информацией. Тогда как в художественном тексте принципиально не может быть ничего избыточного, ибо каждая его составная часть выполняет свою функцию: информационную, эстетическую, прагматическую и др. Следовательно, для языковой сложности информационной функция играет ведущую роль, а для языковой аномалии первостепенной является эстетическая (т.е. стилистическая) функция [10, с. 117].

Г. А. Мартинович, П. А. Семёнов также пишут о необходимости дифференциации аномалий языка, представляющих собой обычные погрешности речи вследствие незнания языковых норм, и языковых аномалий-окказионализмов, намеренно используемых авторами для придания экспрессивности нарративу [13, с. 35].

Говоря о функциях языковых аномалий в целом, по наблюдениям Т. Б. Радбиля, языковые аномалии обладают следующими функциями: информативность (для сообщения какой-либо информации), конструктивность (будучи включённой в текст, языковая аномалия помогает передать новую точку зрения, отличающуюся от привычной), эвристичность (намеренная девиация от нормы неизменно является чем-то новым) и эстетичность (так как данное языковое явление всегда используется для создания определённого художественного образа, а также языковой игры) [15, с. 55].

Лингвисты классифицируют аномалии, учитывая ряд принципов: 1) уровневые аномалии (фонетические, морфологические, синтаксические); 2) аномалии степени (совсем неправильно, не совсем правильно); 3) аномалии, возникающие в результате тавтологии, в результате противоречия [9].

Например, Т. Б. Радбиль описывает языковые аномалии по степени окказиональности. Исходя из этого признака, языковые аномалии имеют значительные различия: от слов, практически уже не воспринимающихся как окказиональные, до слов, резко индивидуальных, привязанных к определенному автору, произведению и даже определенному контексту [15, с. 20]. Примером индивидуального окказионализма может послужить отрывок из письма Цветаевой Розанову от 8 апреля 1914 года: *...он (отец М. И. Цветаевой. – О. П.) хотел мне что-нибудь подарить. Я выбрала маленький плюшевый плэд* [18, с. 454]... В тексте письма автор приводит цитату с сохранением особенности произношения этого слова кем-то близким, возможно, отцом или самой Мариной. Иван Владимирович скончался через 2 дня после описываемой сцены, очевидно, поэтому автору было так важно сохранить память о столь близком человеке, отношения с которым, безусловно, носили сугубо индивидуальный характер.

Ряд учёных различают окказионализмы первой степени (стандартные, полностью соответствующие словообразовательным нормам современного русского литературного языка), окказионализмы второй степени (частично нестандартные, при этом нарушенная словообразовательная модель не препятствует пониманию новообразования) и окказионализмы третьей степени (нестандартные образования в чистом виде, значительные нарушающие словообразовательные нормы и влекущие трудности в их семантической интерпретации) [7].

В статье проф. Д. А. Салимовой «Аномальность как стилиобразующая черта творчества М. И. Цветаевой» анализируются «языковые неправильности» как явление «языковой стихии» в стихотворениях поэта на уровне как семантики, так и морфологии, словообразовании [16, с. 78].

По нашему мнению, у М. Цветаевой окказионализмами первой степени (следуя классификации Т. Б. Радбиля) можно считать следующие примеры: *птичища, волнообразие, страхобесие, гречинка* (одна гречневая крупинка), *детоводство, однодуство*. Окказионализмами второй степени считаем использование М. Цветаевой названий литературных произведений, в оригинале представленных в единственном числе, во множественном числе в следующем примере: *О, как мать торопилась, с нотами, с буквами, с «Унди-нами», с «Джэн Эйрами», с «Антонами Горемыками»* [17, с. 13]. Цветаева подчёркивает, что мать слишком усердствовала в просвещении своих малолетних дочерей, поэтому она пренебрежительно использует названия перечисленных литературных творений во множественном числе, к тому же, она продолжает перечисление существительных, данных ранее во множественном числе. Так, использование сингулятивов в форме множественного числа выполняет двойную функцию: придает оттенок пренебрежительности, одновременно указывая на «излишнее» количество героев и книг в жизни матери.

Также Радбиль описывает окказионализмы, образованные на языке произведения при помощи заимствования слов (или морфем) из других языков, как например, в случае используемых в фантастике терминов «флаер», «сталкер». В текстах Марины Цветаевой нами не наблюдались примеры окказионализмов такого типа. Очевидно, это связано с тем, что Цветаева охотно включала в тексты слова непосредственно на иностранном языке (преимущественно на французском или немецком, ведь она прекрасно на них говорила); т.е. она позволяла себе «хулиганить» со словом на материале русского языка, но не заимствовала слова из других известных ей языков.

Далее мы остановимся на классификации языковых аномалий, описанной Т. В. Поповой, Л. В. Рацбургской и Д. В. Гугунава [14]. Они выделяют следующие языковые аномалии-окказионализмы:

1. Фонетические окказионализмы – являющиеся словами, сочетающимися незарегистрированные в языке фонемы. У М. Цветаевой встречаем следующие примеры подобных фонетических аномалий: «птичища», «плэд», «темная ночь», «стуйт только войти», «безделюшки», «подчерница». Как отмечают учёные, предлагая новый звуковой комплекс, автор считает, что этот комплекс несёт в себе новое значение, новую семантику.

2. В лексических (словообразовательных) окказионализмах сочетаются распространённые основы и аффиксы, отвечающие деривационной норме либо отклоняющиеся от неё в незначительной степени. Лексическими языковыми аномалиями также считают окказионализмы, образованные лексико-синтаксическим способом и разными видами аффиксации, например, суффиксацией и др. В качестве иллюстрации сказанного приведем следующие примеры из рассказов М. И. Цветаевой: «*многодочерний Кирилл*», «*к самым кровокипящим догам*», «*нечеловеческое попоясное племя, бездетное и бездедное*», «*неслиянная кровь*», «*зде-лежащего праха*».

3. Грамматическими (морфологическими) окказионализмами считают словообразования или коллокации, в которых лексическое значение не соответствует грамматической форме, т.е. за счёт особого авторского замысла недопустимое становится возможным. Например, в следующем примере из рассказа «Мать и музыка» неисчисляемые существительные используются как исчисляемые: *Мать... как уплотняла нас невидимостями и невесомостями, этим навсегда вытесняя из нас всю весомость и видимость* [17, с. 14]. Использование во множественном числе существительных *Singularia tantum*, примеры которых мы уже привели чуть выше, – несомненно, один из самых часто встречающихся видов языковой аномалии в прозаическом поле Марины Цветаевой [16].

Или ещё один пример, из рассказа «Чёрт», в котором для создания антонима наречия «чуждо» в сравнительной степени автор использует слово «моёе», образованное от личного местоимения «мой», что продиктовано контекстом и для продолжения рифмующейся антитезы: *...чем холоднее – тем горячее, чем дальше – тем ближе, чем чуждее – тем моёе, чем нестерпимее – тем блаженнее...* [17, с. 41]: форма простого компаратива притяжательного местоимения и прилагательных, не образующих эти формы по объективным показателям (наличие префикса *не-*, например), часто использована поэтом как в поэзии, так и в прозе: если для стихов это, возможно, продиктовано ритмико-рифмическим строем, для прозы Марины Цветаевой такое становится логически оправданным приемом.

В примере из повести «Мой Пушкин» встречаем такое грамматически неверное использование причастия – «распухнувшее» вместо грамматически верного варианта «распухшее»: *И в распухнувшее тело // Раки черные впились* [Там же, с. 34]! Это продиктовано, очевидно, желанием автора сохранить ритм и стихотворный размер.

4. Семантические окказионализмы являются результатом семантических приращений, т.е. контекстуальных значений, ведущих к трансформации первоначального значения лексемы в художественном тексте. Примером семантического окказионализма может служить прилагательное «несомутимая» в следующем отрывке из рассказа «Мать и музыка»: *озерная его несомутимая гладь... только задень, и что пойдет* [Там же, с. 29]! Представляя свои детские ассоциации, Марина использует своеобразное причастие-прилагательное, образованное не от глагола, как правило, а от существительного «омут», сравнивая гладкую поверхность крышки роля с гладью озера, которую невозможно или нельзя разбить, превратив её в омут.

5. Окказиональные (необычные) сочетания слов. За счёт комбинирования лексем, обычно несочетаемых, в условиях семантических сдвигов контекста зависимый элемент коллокации приобретает общие семы. Так, окказиональным является словосочетание «изморозные обои» в рассказе «Чёрт» М. Цветаевой: *белой, с изморозными обоями, залы* [Там же, с. 47]. Ключевой элемент словосочетания – существительное «обои», денотат которого может быть охарактеризован с точки зрения материала, цвета, качества, – употребляется в сочетании с окказиональным прилагательным «изморозный» (сделанный из мороза, возможно, от существительного изморозь), который хоть и по форме подходит для описания качества, но логически не подходит существительному «обои» и служит цели создания образности.

Словосочетание «огромные змеинодрагоценные глаза» из рассказа «Чёрт» [Там же, с. 37], на наш взгляд, тоже можно отнести к необычным сочетаниям слов, поскольку в данном примере мы имеем дело не только с окказиональным качественным именем прилагательным индивидуального авторского происхождения, подчёркивающим форму, цвет, блеск глаз и, возможно, потенциальную опасность их обладателя, но и с неожиданным сочетанием со словом «огромные».

6. Графические окказионализмы заключаются в замысле автора придать слову символический смысл за счёт выделения определённой части слова более крупным шрифтом. В текстах Цветаевой встречаем обратную ситуацию, когда новое предложение начинается с прописной буквы, как в следующем примере из рассказа «Дом у старого Пимена»: *Когда я эту сказку... стала рассказывать и потом спрашивать, – в чем дело? почему? – только один из моих собеседников... «Совершенно понятно. Ревность. Ведь дочь – соперница»* [Там же, с. 113-114]. Произнесённая несобственно-прямая речь самой Марины, оформленная в виде обособленной конструкции, содержит вопросы, начинающиеся с прописной буквы. Аналогичные примеры находим в текстах Марины Цветаевой довольно часто.

К графическим окказионализмам можно отнести и следующий отрывок, в котором вопросительный знак, данный в скобках, является сигналом мысленного вопроса в примере из рассказа «Хлыстовки»: *...Кирилловны в Тарусе были... может быть, даже раньше самих татар, ржавые ядра которых (?) мы находили в ручье* [Там же, с. 94]. Несобственно-прямая речь, собственные мысли, сомнения автора, таким образом, оформляются как посредством включения вводного словосочетания, так и знака вопроса к одному конкретному слову в предложении.

На наш взгляд, данную классификацию можно дополнить пунктуационными языковыми аномалиями-окказионализмами, коих в текстах М. И. Цветаевой немало и о которых в научной литературе сказано немало. Поэт часто прибегает к так называемым «двойным» пунктуационным знакам, то есть сочетанию, комбинации обычно несовместимых вопросительного знака и тире, тире и скобки, восклицательного знака и скобки и т.д. Подобная синтаксическая избыточность позволяет говорить о заострённом внимании автора к описываемым персонажам и событиям, они дополнительно подчёркивают важность ситуаций и переживаний, с ними связанных. У читателя даже может создаться мнение, что автор излишне прикован к собственным чувствам и настроению.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что в последнее время к понятию «языковая аномалия» приковано большое внимание лингвистов, которые описывают отклонения от языковой нормы на разных языковых уровнях. В отношении текстов Марины Цветаевой можно утверждать, что эта выдающаяся личность вела бесконечные эксперименты с языком текста со стороны фонетики, лексики, морфологии, словообразования, сочетания слов, синтаксиса, пунктуации не только в целях художественной выразительности и языковой игры. Особенно много таких примеров у поэта в комплексах несобственно-прямой речи, поскольку сложность мировоззрения и поэтической картины мира автора, конфликты со временем и с современниками, драматизм личный и социальный и т.д. не могли не отразиться неправильностями в языковом оформлении.

Список источников

1. Апресян Ю. Д. Роман «Дар» в космосе Владимира Набокова // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 651-694.
2. Апресян Ю. Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 622-628.
3. Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 598-621.
4. Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования / под ред. Д. С. Лихачева. М. – Л.: Наука, 1990. С. 50-71.
5. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3-19.

6. Арутюнова Н. Д. От редактора: вступительная статья // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста: сб. науч. тр. / Институт языкознания Академии наук СССР; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 3-9.
7. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ [Электронный ресурс]. URL: <http://padaread.com/?book=78157&pg=14> (дата обращения: 21.12.2018).
8. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 574 с.
9. Горбунова Н. Языкотворчество Дж. Джойса. Авторские аномалии: окказионализм или неологизм? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/yazikotvorchestvo-joyasa-slovoobrazovatelnyy-aspekt10.htm> (дата обращения: 11.11.2018).
10. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 1996. 215 с.
11. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста: сб. науч. тр. / Институт языкознания Академии наук СССР; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 194-224.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Н. В. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
13. Мартинович Г. А., Семёнов П. А. Терминологический словарь. Русский язык. Стилистика. Культура речи. СПб., 2006. 43 с.
14. Попова Т. В., Рацбургская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта, 2011. 167 с.
15. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: Флинта, 2012. 322 с.
16. Салимова Д. А. Аномальность как стилиобразующая черта творчества М. И. Цветаевой // Творчество М. И. Цветаевой в контексте европейской и русской литературной традиции: материалы Третьих международных Цветаевских чтений / под общ. ред. А. И. Разживина. Елабуга: ЕГПУ, 2006. С. 69-78.
17. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. 720 с.
18. Цветаева М. И. Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. Проза. Письма. 639 с.

**LINGUISTIC ANOMALIES IN FREE INDIRECT SPEECH:
BY THE MATERIAL OF M. TSVETAEVA'S PROSE**

Puchinina Ol'ga Pavlovna

*Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
olga.puchinina@gmail.com*

The article examines M. Tsvetaeva's prose from the viewpoint of correlation between the notions "norm" and "anomaly". Within the study the researcher focuses on analysing linguistic anomalies by the material of identified text fragments with free indirect speech. The paper concludes that the writer tends to experiment with the word, syntax and punctuation. Such linguistic incorrectness represents complexity and originality of the authoress's worldview, conflicts with the contemporaries and her epoch, personal and social dramatism.

Key words and phrases: linguistic anomalies; occasionalisms; Marina Tsvetaeva; norm; anomaly; free indirect speech.

УДК 8; 808

Дата поступления рукописи: 23.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.48>

Статья посвящена исследованию интернет-жанра «стишки-порошки» с точки зрения функционирования в его структуре прецедентных единиц, которые играют определяющую роль в текстах жанра. В ходе изучения стихиков-порошков в аспекте концепции языковой игры авторами выявляются следующие приемы ассоциативного преобразования прецедентных единиц: снижение их культурного смысла за счет введения в состав новых компонентов, переосмысление с помощью буквализации одного из компонентов, выведение новой прецедентной ситуации, вступающей с заданной в отношении контаминации, а также поэтическая стилизация. Во всех случаях ассоциативные преобразования направлены на профанацию исходных прецедентных смыслов, что связано с «народной смеховой культурой», лежащей в основе жанра интернет-фольклора.

Ключевые слова и фразы: интернет-коммуникация; интернет-фольклор; стишки-порошки; стишки-пирожки; прецедентные единицы; языковая игра.

Чемезова Ирина Анатольевна, к. филол. н.

Исакова Елена Александровна, к. филол. н.

Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

IA.Chemezova@urfu.ru; e.a.isakova@urfu.ru

**ПРЕЦЕДЕНТНАЯ «ИГРА В БИСЕР» КАК ЧЕРТА ИНТЕРНЕТ-ФОЛЬКЛОРА
(НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА «СТИШКИ-ПОРОШКИ» И «СТИШКИ-ПИРОЖКИ»)**

В современных лингвистических исследованиях интернет-коммуникации делается акцент на особой организации информационной составляющей высказывания. В Интернете как специфическом информационном